

Но бѣдному Щепкину никто не повѣрилъ. Всѣмъ показалось какъ-то смѣшно: ну, развѣ возможно по книгѣ дѣлать представленіе, да еще въ нѣсколько человѣкъ? Щепкинъ разгорячился, заспорилъ, началъ кричать и поднималъ такой гвалтъ, что учитель, который преспокойно спалъ въ сосѣдней комнатѣ, проснулся.

Отворяется дверь и высовывается заспанная фізіономія. Учитель такъ сердито смотритъ на разбудившихъ его ребятъ, что каждому становится жутко. На испуганныхъ глазахъ дѣтей вы читаете мысль:— „Батюшки мои, сейчасъ велитъ подать розогъ!“—Одинъ Щепкинъ не оробѣлъ: ему было не до страха. Его мучило чувство обиды, которую ему нанесли товарищи, когда не вѣрили его словамъ и предавали его осмѣянію. Онъ стремительно направилъ свои быстрые шаги къ учителю и со слезами на глазахъ, весь взволнованный, приноситъ ему свою жалобу.— „Помилуйте, разсудите насъ“,— говоритъ онъ: — „на меня напалъ весь классъ и смѣется надо мной за то, что я объ этой книгѣ „Комедія Вздорщица“ (тутъ онъ показалъ на книгу, которую держалъ въ рукѣ) сказалъ, что ее можно играть такъ, какъ будто бы все это не написано, а въ самомъ дѣлѣ случилось“.

Когда Миша Щепкинъ это рассказывалъ, мальчики смотрѣли на него съ насмѣшкой, какъ бы думая:— „Вотъ дуракъ! вѣдь самъ же напрашивается на розгу. И подѣломъ: впередъ не ври!“

А учитель внимательно слушалъ жалобную рѣчь Миши, все болѣе и болѣе улыбался, да вдругъ какъ примется хохотать, что есть мочи. Это ободрило ребятъ: ихъ лица еще болѣе повеселѣли; и они сами,